

Издание «Детская литература»

С. М О Г И Л Е В С К А Я

МОЙ ПАПА-ВОЛШЕБНИК

С. МОГИЛЕВСКАЯ

МОЙ ПАПА – ВОЛШЕБНИК

ОДИННАДЦАТЬ
МАЛЕНЬКИХ ИСТОРИЙ
ПРО МАЛЬЧИКА САШУ
И ЕГО ПАПУ

Рисунки П. Асеева

МОСКВА • «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» • 1975

Оцифровка
dominas
2017

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ
ПРО ОГОНЬ, КОТОРЫЙ ВОРЧАЛ И СЕРДИЛСЯ В ПЕЧКЕ

И всё-таки, когда в мае они приехали сюда на дачу, было очень холодно. Лишь кое-где на кустах распустились листья. И только на соснах да на елях ярко зеленели иглы.

А один раз было так холодно, что бабушка сказала:

— У меня прямо зуб на зуб не попадает. Задувает во все окна. Сильный ветер на дворе.

Она накинула на плечи тёплый платок, но всё равно и под платком поёживалась. Тогда папа сказал:

— Сейчас будет жарко.

И пошёл в сад. А Сашенька — следом.

В саду и правда был сильный ветер. Верхушки сосен качались во все стороны, и каждый кустик тоже качался во все стороны.

У папы в саду лежало много-много палок. Одни были толстые, они назывались дровами, другие — потоньше — всё равно назывались дровами. А ещё были совсем тоненькие прутики. Эти так и назывались — прутики. Их приходилось подбирать и там и сям. Это была Сашина работа, потому что он всегда помогал папе во всех его трудных делах.

Вместе с папой они набрали разных палок — и толстых, и тонких, и совсем прутиков — и понесли в дом.

Перед печкой папа присел на корточки и стал запихивать в печку палки, которые назывались дровами, — и толстые и не очень толстые, разные.

— А эти? — спросил Саша, показав на прутики, которые притащил из сада.

— А эти — напоследок, печке на закуску, — ответил папа.

И правда, все Сашины прутьики папа положил в печку под самый конец. А печка всё глотала, глотала, пока не проглотила все до единого поленца. Ничего на полу не осталось.

Тогда папа вынул из кармана коробок спичек. Чиркнул спичкой по коробку, и тотчас вспыхнул крохотный жёлтый огонёк. Этот огонёк вместе со спичкой папа сунул в печку как раз под те сухие прутьики, которые Саша набрал в саду.

И тут вдруг все прутьики весело затрещали. И вместо маленького огонька на конце спички в печке стал разгораться большой огонь. Яркий, шумный. И сразу там внутри стало не темно, а очень светло и весело.

Тогда папа закрыл печную дверцу и сказал Саше:

— А теперь, мальчик, даже близко не подходи сюда.

— Почему? — спросил Саша.

Ему-то как раз очень хотелось подольше смотреть на красивый, золотой огонь, который шумел в печке.

Но папа сказал:

— Огонь очень злой, может укусить.

— Укусить? — не поверил Саша.

— Ещё как — до волдырей...

— Гм,— всё равно не поверил Саша.

Но огонь в печке и правда заворчал:

Уходи-ка поскорей,
Укушу до волдырей...

Наверно, это был очень сердитый огонь!

— Вообще никому не следует подходить к печке, когда печка топится, — сказал папа.

— А бабушке? — спросил Саша.

— И бабушке не надо.

Саша взглянул на маму. Папа его понял и опять сказал:

— Ни-ни...

Значит, и маме нельзя было подходить, когда в печке был огонь. А про Машеньку даже и спрашивать не стоило: и так было ясно — нечего ей делать возле печки!

А огонь за печной дверцей так и шумел, так и бушевал, так и ворчал на все лады:

Уходите поскорей,
Укушу до волдырей,
Уходите, уходите,
Укушу до волдырей...

Возможно, это приговаривал сам папа, когда время от времени подходил к печке и, открывая дверцу, помещивал дрова длинной чёрной кочергой. Всякий раз после этого огонь злился ещё сильнее. Сердито фыркал, и куда-то вверх взлетали золотые искры.

— А тебя он почему не укусит до волдырей? — спросил Саша.

— Пусть попробует! Я его кочергой, кочергой...

И правда, папа ни капельки, ничуть не боялся огня. Он всё ворошил да ворошил дрова, пока в печке остались одни только красные угольки.

И тогда вдруг...

Нет, не вдруг и не сразу, а понемножку и постепенно в доме становилось теплее и теплее. Бабушка перестала ёжиться и кутаться в платок, а потом и вовсе скинула платок на стул.

— Вот тепло, вот благодать! — приговаривала она. — Замечательная печка...

Саша удивился: за что же бабушка хвалит печку? Если бы не папа, разве дома стало бы тепло да ещё благодать?

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ
ПРО БЕЛКУ, КОТОРАЯ ОБИДЕЛАСЬ НА ПАПУ

А весна в тот год стояла долгая и холодная. Никак не хотела пускать к ним лето. И к утру из дома вся теплынь и вся благодать куда-то убегала.

— Щели-то какие между брёвнами,— сказала бабушка.— Всё и выдувает! Разве натопишься?..

Папа недолго думал.

— Не хитрое дело заткнуть щели паклей,— сказал он и пошёл в чулан, где лежало много всякой всячины. И пакля тоже. Она была серая, мягкая и какая-то клочковатая.

Вот тогда-то и вышла история с белкой, которая жила у них в саду. Папа рассердился на белку, а белка очень обиделась на папу.

Это была весёлая и проворная белка. И такая непоседа! Каждое утро Саша видел её то на ёлке, то на сосне. Она прыгала с ветки на ветку, с верхушки на верхушку, да так быстро и ловко, что за ней и уследить-то было трудно.

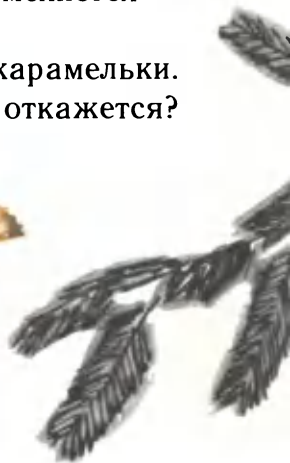
А уж как Сашеньке хотелось с ней познакомиться, уж как он её привечал и задабривал!

Бывало, вынесет ей кусок хлеба и спросит:

— Белка, а белочка, хочешь хлебушка?

А белка глянет на него глазами-бусинками, усмехнётся — и нет её! Она уже на другом конце сада.

Один раз Саша даже решил дать ей половину карамельки. Вкусную, с вареньем. От карамельки кто же откажется?

Но белка и на карамельку смотреть не стала. Опять усмехнулась, прыг-скок — и нет её...

Вот с пакли, которую папа вынес из чулана, чтобы заткнуть между брёвнами щели, всё и началось...

Что и говорить — это была интересная работа. И Саша изо всех сил помогал своему папе. Он подавал ему всякий раз такой клочок пакли, какой просил папа. То большой, то поменьше, а то совсем маленький.

И вдруг Сашенька увидел: сидит белка на ёлке и совсем недалеко от них. Сидит и поглядывает на их работу. Поглядывает, а сама вроде бы что-то обдумывает. Глаза у неё хитрющие и хвост торчком.

— Наверно, ей интересно, как мы щели затыкаем, — сказал Саша, кивнув на белку.

— Да нет, — ответил папа. — У неё другое на уме...

И правда, едва папа кончил работать, чуть только отошёл в сторону, как белка мигом с ёлки к дому и — хватить кусок пакли, именно тот самый, которым папа только что заткнул щель.

Схватила, обратно на ёлку, и была такова!

— Вот плутовка! — сказал папа и засмеялся. — Настоящая плутовка...

Но это было только началом. С этого дня белка повадилась таскать у них паклю. И обязательно ту, которой папа затыкал щели между брёвнами. Один раз утащила. Другой раз утащила. Третий раз...

— Смотри у меня, — сказал однажды папа. — В конце концов я на тебя рассержусь.

И рассердился.

В тот день вместе с паклей папа захватил из дома огромный-преогромный кухонный нож.

Сашенька даже испугался:

— Зачем тебе такой?

— Увидишь,— сказал папа и принялся за работу. Этим огромным-преогромным кухонным ножом он глубоко запихивал паклю между брёвнами.

А белка сидела на своём всегдашнем месте и внимательно наблюдала за папиной работой.

— Гляди, гляди на здоровье,— приговаривал папа, усердно орудуя огромным-преогромным кухонным ножом. — Теперь-то тебе нипочём не достать...

Но только он отошёл от стены дома, как белка прыг-скок, прыг-скок — и прямо к тому месту, где трудился папа. Прицепилась к бревну острыми коготками, покопошилась и обратно на ёлку.

И что же?! С огромным куском пакли в зубах.

Вот тут-то папа и рассердился.

— Ах ты, такая-сякая-эдакая! — крикнул он и погрозил белке пальцем.

Белка же, глянув на папу, подняла парусом рыжий хвост и перелетела с ёлки на сосну. Потом ещё на другую сосну. На третью... Только её и видели!

На следующий день её никто не видел.

И ещё на следующий день её тоже не было.

И на четвёртый день... И на пятый...

Значит, не только папа рассердился на белку, но и белка рассердилась на папу, а может быть, даже очень-очень на него обиделась.

Неужто она больше никогда к ним не вернётся? Саша то и дело спрашивал у мамы, у папы, у бабушки, у Машеньки:

— Она от нас совсем убежала? Не вернётся?

И все отвечали по-разному.

— Вероятно, у неё маленькие бельчата,— говорила мама.— Ей не до нас. Для гнезда она таскала паклю.

А бабушка говорила:

— Ох, боюсь! Подшиб её из рогатки какой-нибудь озорник мальчишка...

— Просто наша белка переселилась в лес,— говорила Машенька.— Там ей раздолье! Грибы, ягоды, орехи и разные другие штуки. А у нас что?

И только один папа сказал то, что хотелось Сашеньке:

— Она вернётся, мальчик! Обязательно вернётся. Перестанет на меня дуться и вернётся.

— И тогда ты с ней помиришься?

— А ты как считаешь?

— Я думаю, вы помиритесь.

— И я так думаю. Дай только срок, потерпи немного...

Но день шёл за днём. И холода прошли. И наступило тёплое душистое лето. А белки всё не было. И Сашенька забыл о ней думать...

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ
ПРО МУХОМОРА, КОТОРЫЙ СТАЛ ВЕЛИКАНОМ

А сад у них был очень большой. Такой большой, что в нём ничего не стоило заблудиться. Особенно Сашеньке. Ведь он был ещё совсем маленький.

Росли в этом саду разные деревья: сосны, ёлки, берёзы и даже одна груша. Но больше всего в саду было вишнёвых кустиков и кустов бузины. В одном месте, как раз за домом, были настоящие заросли бузины. Прямо бузиновый лес!

Однажды утром папа сказал:

— Пошли, мальчик! Сейчас я тебе кое-что покажу...

Он взял Сашу за руку, и они отправились как раз к тем зарослям бузины, которые росли за домом. Когда же они подходили к этим зарослям, папа вдруг замурлыкал тихим-тихим голосом:

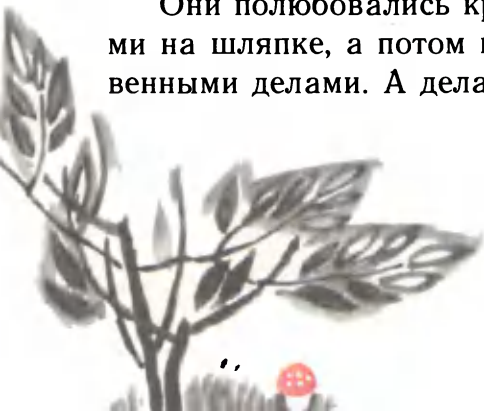
Тирли-мирли-пирли-гиб,
Мы сейчас увидим гриб!

И что же! Среди кустов бузины в зелёной траве они увидели маленький грибок. Его красная шляпка была вся в белых пятнышках.

— Му-хо-мор! — сказал папа. — Красивый гриб, только очень ядовитый. Трогать его нельзя. Понял?

— Понял, — ответил Саша.

Они полюбовались красным грибком с белыми пятнышками на шляпке, а потом пошли заниматься важными хозяйственными делами. А дела были такие: они с папой чинили за-

бор. Папа приколачивал гвоздями жерди в тех местах, где они были сломаны, а Саша подавал ему нужные гвозди — то очень большие, то средние.

На следующее утро папа опять сказал Саше:

— Пошли, мальчик, поглядим, как поживает наш мухоморчик...

А утро было тёплое-тёплое. Птицы пели. Солнечные лучи так и бегали, так и прыгали, так и шныряли по всему саду, по всем деревьям, по всей траве, по всем цветам и по всем кустам бузины с кистями красных ягодок.

И опять папа замурлыкал тихим-тихим голосом:

Тирли-мирли-пирли-гоп,
Очень вырос наш грибок!

Ну и папа! Всё-то он знает... Тот самый грибок, который вчера еле-еле высывался из травы, теперь стоял на высокой белой ножке, а шляпка у него была с чайное блюдце.

— Ну и вымахал! — сказал папа. — Видно, по душе ему пришлось это местечко.

А местечко и правда было славное — тёмно-зелёные листья бузины и мягкая травка. Такая мягкая, что ходить по ней босиком было одно удовольствие.

— Его всё равно трогать нельзя? — спросил Саша. — Он всё равно ядовитый?

— Очень ядовитый. Особенно для мух. Потому и называется мухомор. Мух морит, понял?

А ещё на следующее утро уже сам Саша позвал папу смотреть мухомор.

— Пошли? — сказал он папе.

— Пошли! — И папа положил на пенёк возле забора молоток, которым приколачивал гвозди.

— Спой ему песенку,— попросил Сашенька, когда они подходили к бузиновым зарослям.

И папа снова запел тихим-тихим голосом:

Тирли-мирли-пирли-бам,
Стал грибок наш великан!

— Вот это да! — воскликнул Саша, когда увидел мухомор. Теперь шляпка у него была чуть ли не с суповую тарелку, а каждое белое пятнышко с большую горошину. Он стал настоящим великаном, их красный мухоморчик!

— Я хочу его немножко потрогать,— сказал Саша и подошёл к мухомору-великану.

— Разве ты забыл? — спросил папа.— Мы же с тобой договорились...

— Немножко, совсем немножко,— не отставая, просил

Саша и даже протянул руку к мухомору. Ему хотелось не только погладить красную шляпку с белыми пятнышками, но даже отщипнуть кусочек: а может, он сладкий вроде леденца?

— Пошли, мальчик,— сказал вдруг папа.— Нас с тобой работа ждёт, а мы тут прохлаждаемся.

Он взял Сашину руку, и они отправились чинить забор: работы у них было ещё порядком.

А к вечеру из Москвы ждали Машеньку. К вечеру она и приехала.

— Вот она, наша старшая дочка,— сказал папа, поглядев на калитку.

И бабушка сказала:

— В самый раз! Сейчас будем ужинать, всё готово!

И загремела, зазвенела, забренчала кастрюльками, тарелками, ложками, вилками... Очень много всего нужно поставить на стол, когда они впятером — папа, мама, бабушка, Машенька и он, Саша,— садятся за стол ужинать или обедать!

Но Саша не стал ждать, пока Маша подойдёт к крыльцу, он сам кинулся ей навстречу. Скорей-скорей по дорожке мимо грушевого дерева, на котором не было ни одной груши, мимо раскидистой яблоньки, мимо клумбы с высокими жёлтыми цветами, мимо вишнёвых кустиков... Скорей-скорей к калитке, навстречу Машеньке!

— Сашка, как живёшь? — крикнула Маша и подняла его выше своей головы.

— Хорошо живу,— сказал Саша.— Пошли, я покажу тебе великана...

— Настоящего? — удивилась Машенька.

— С красной шляпой на голове.— И Саша потянул её к кустам бузины. Не дойдя до кустов, он запел, точь-в-точь как папа, тихим-тихим голосом:

Тирли-мирли-пирли-бам,
Наш грибок стал...

Ну и чудеса творятся на свете!

— Где же твой великан в красной шляпе? — спросила Маша. — Ну? Где он?

Сашенька и сам не знал. Никакого мухомора-великана тут и в помине не было. Только зелёная трава чуть-чуть шевелилась, только зелёные листья на бузине чуть-чуть колыхались да солнечные зайчики бегали и тут и там.

— Ну? — снова спросила Машенька. — Где он? Это ты нарочно про великана выдумал?

— Нет, я не выдумывал, — сказал Саша. Он совсем расстроился.

— Выдумал, выдумал... — засмеялась Маша. А потом крикнула: — Папа, ты только послушай, что наш Сашурик сочиняет... Про какого-то великана! Выдумщик...

А папа тут как тут. Шаги у него большие, широкие. Три шага — и он уже рядом, возле дочки и сына.

— Ничего он не выдумывал... Сейчас ты увидишь нашего великана. Просто он немного позабыл к нему дорогу.

Папа взял Сашу за руку, обогнул куст бузины и запел тихим-тихим голосом:

Тирли-мирли-пирли-бом,
Полюбуйтесь-ка грибом!

И они увидели: под кустом бузины стоит мухомор-великан во всей своей красе. Пожалуй, он ещё подросток и стал теперь Саше по коленки.

— Ну? — спросил Сашенька. — Теперь видишь?

— Ну, теперь-то я, конечно, вижу! — ответила Маша.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ
ПРО ВИШНИ, КОТОРЫЕ ПЕЛИ ПЕСЕНКИ

Было у Саши в саду одно любимое местечко. Если идти по дорожке от крыльца к калитке, то налево, за вишнёвыми кустами, стояла скамейка. Скамейка эта была не простая, а с высокой спинкой. На ней было хорошо делать куличики. А перед скамейкой лежала высокая горка жёлтого песочка, позади же скамейки росли молодые сосенки. Когда припекало солнце, они пахли смолой.

В мае стало совсем тепло, и на вишнёвом деревце, на том, которое стояло на самом солнцепёке, распустился цветок. Сперва один-единственный. У цветка было пять тоненьких белых лепестков, а середка жёлтая и мохнатая. Цветок покачивался на длинном стебельке и радовался, как славно кругом, как много солнца.

Папа подвёл Сашу к вишнёвому деревцу, поднял его, чтобы он получше разглядел цветок.

— Летом вместо него будет красная вишня,— сказал он. Саша попросил:

— Давай сорвём, пусть из него сейчас же будет вишня.

— Э-э, нет,— сказал папа.— Тогда никакой вишни не будет, он просто засохнет.

Потом, через день или через два, раскрылся ещё один цветок. И ещё один. И ещё... И вскоре все кусты — и маленькие, и большие, и те, которые были уже почти взрослыми деревцами,— все покрылись белыми цветами.

И стояли они почти не шевелясь, греясь на солнце, и потихоньку шептали: «Шу-шу-шу, как хорошо... шу-шу-шу, как хорошо...»

А может, вовсе и не они шептали, а жужжали пчёлы. Пчёл тут было множество. Они то и дело перелетали с цветка на цветок, с цветка на цветок и жадно впивались туда, где была жёлтая мохнатая серёдка: мёд собирают на зиму, сказал папа.

— Все, все, все цветы станут вишнями? — спросил Саша, издали поглядывая на пчёл, которых очень боялся.

— Не все, а многие, — сказал папа. — Те, на которых побывают пчёлы.

«Значит, много будет вишен, — подумал Саша. — Ведь пчёлы побывали на всех цветках».

И всё-таки он не очень верил, что цветы станут вишнями...

А потом вдруг поднялся ветер. И тогда вишнёвые лепестки полетели, полетели, полетели какие куда... Одни на траву, другие на скамейку, а многие улетели за забор, на колхозное поле. Только один взял да уселся Саше на голову и запутался среди его кудрявых волосиков. Вечером мама его отыскала.

— Видишь,— сказала она,— так целый день и проходил с лепестком.

— Он от вишни,— сердито сказал Саша.— Все цветы облетели... Не могли дожидаться, пока станут ягодами.

Мама засмеялась:

— Так и надо. Всё равно будут вишни...

И правда: через несколько дней папа показал Саше зелёные шарики, которые выросли вместо белых цветов. Они были совсем крохотные и висели на длинных стебельках. Папа снова поднял Сашу повыше, чтобы тот мог получше разглядеть эти крохотные зелёные шарики на длинных стебельках.

— Будут расти, расти, пока не станут вкусными, красными вишнями. Всё не веришь?

Нет, теперь Саша уже немножко верил: ведь сумели же превратиться белые вишнёвые цветы в крохотные зелёные шарики.

А когда наступило настоящее жаркое лето, Саша вдруг увидел, что на вишнёвом деревце, на том, которое стояло на солнцепёке, красные-красные вишни. Наверно, они были очень вкусными, эти красные вишни? Но разве их достать, если они висят чуть ли не на верхушке дерева? Даже если стать на цыпочки, всё равно нипочём их не достать.

А из дома доносилось:

— Сашурик, где ты?

Это был мамин голос.

— Сашенька? Куда же он девался?

Это его звала бабушка.

— Сейчас приведу!..— сказал папа.

Саша хоть слышал, как его звали, всё равно не шёл. Он всё стоял и всё смотрел на вишни. А они весело покачивались на длинных стебельках и вроде бы посмеивались над Сашей. А потом вдруг взяли да запели.

Да, да, взяли и запели:

А мы, вишенки,
Висим на вишенке
Высоко, высоко,
Не достать ни за что...

И снова:

А мы, вишенки,
Висим на вишенке
Высоко, высоко,
Не достать ни за что...

Вот ведь какие! Ещё и дразнятся...

И тут вдруг...

Та самая ветка, на которой висели самые красные, самые спелые и, должно быть, самые вкусные вишни, стала клониться вниз. Потихоньку-потихоньку. Да прямо к Саше. Да прямо к Сашиным протянутым рукам. Не надо было ему становиться на цыпочки и тянуться вверх. Захотели и сами к нему спустились. Да ещё и песенку спели:

А мы, вишенки,
Висим на вишенке
Уж не так высоко,
И достать нас легко...

А из-за вишнёвого дерева вышел папа. Спросил:

— Видишь, какие красные?

— Вижу,— сказал Саша.

— Скоро все поспеют...— сказал папа и ещё ниже нагнул к Саше ветку с красными вишнями.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ
ПРО ВОДУ, КОТОРАЯ ВСЕГДА РАБОТАЕТ

Когда у мамы был отпуск, она не ездила в Москву на работу. Тогда вместе с Сашей она ходила на станцию встречать папу. До станции они не доходили, до станции было слишком далеко. Они встречали папу на полпути.

— А вон идёт наш папа,— говорила мама. Она всегда первая его видела.

Саша бросал мамину руку, мчался навстречу папе. Да так шибко, что дух захватывало.

— Приехал? — спрашивал он у папы.

— Приехал,— отвечал папа. Ставил свой портфель на землю, подхватывал Сашу двумя руками и поднимал высоко-высоко, чуть ли не до неба.

Потом они вдвоём, Саша и папа, брались за папин портфель и тащили его домой. А портфель был такой пузатый и такой тяжёлый, будто в Москве он только и делал, что заглатывал разные разности.

А потом наоборот. У мамы отпуск кончился, а у папы начался. Тогда мама каждое утро стала уезжать в Москву, а ближе к вечеру папа говорил Саше:

— А не пора ли нам в путь-дорогу, мальчик?

— Пора, пора,— отвечал Саша, надевал свой картузик в голубую клетку.

И они отправлялись на станцию встречать маму.

А когда рядом шёл папа, дорога на станцию становилась особенно интересной.

Во-первых, машины, которые встречались им на пути.

Надо сказать, что машины Сашенька любил больше всего на свете. Даже когда он был совсем маленький малыш, он отлично знал, что у каждой машины есть мотор, есть руль, есть фары, есть тормоз и, наконец, такая непонятная штука, которая называется бампер. Бабушка и та ничего не знала про бампер. Но Саша-то хорошо понимал, что без бампера машина не машина, и при каждом ударе она может расквасить себе нос...

И вот когда они с папой шагали на станцию встречать маму, им то и дело попадались машины. Увидав вдалеке какую-нибудь, они тут же начинали спорить.

— «Москвич»! — говорил папа.

— «Жигули»! — говорил Саша.

— «Москвич»...

— «Жигули»...

И что же? Почти всегда угадывал Саша!

— М-да,— говорил папа.— Ты у меня большой знаток...

А ещё на каждом перекрёстке, там, где одну улицу пересекала другая улица, стояла высокая железная тумба с краном и рукояткой. И всякий раз, когда Саша и папа подходили к такой высокой железной тумбе с краном и рукояткой, папа спрашивал Сашу:

— Проверим? Как там у нас вода? Работает?

— Проверим,— говорил Саша.

Тут папа подходил к железной тумбе, которая называлась колонкой, нажимал рукой на железную рукоятку, и из железного крана, фыркая и брызгаясь, выхлестывала вода. Светлая и очень холодная. И пока папа нажимал рукоятку, вода лилась и лилась, сбегая по узкой канавке в лужу.

— Работает? — спрашивал Саша.

— Отлично работает,— отвечал папа. Отпускал железную рукоятку, вода тотчас переставала литься, а они отправлялись дальше.

— Она всегда работает? — как-то раз спросил Саша.

— А как же,— ответил папа.— Непременно. Без этого нельзя.

— Зачем ей всегда работать? — снова спросил Саша.— Ну зачем?

— Вода не может без работы, а мы не можем без воды. Без воды мы бы пропали.

— Гм...— тихонько хмыкнул Саша. Не очень-то он понимал: почему же без воды они бы пропали? Он поглядел на папу. И папа сразу понял Сашу.

— Чай мы пьём? Пьём! А чай — это вода. Кашу мы едим? Едим! А без воды не сварить никакой каши...

— Можно, можно! — обрадовался Саша. Ведь он собственными глазами видел, как бабушка варит манную кашу на одном молоке.

— А без воды у коровы молока не будет. Корове нужно пить воду, правда?

— Нужно,— сказал Саша. Он и это видел: соседская корова выпила при нём целое ведро воды.

— И трава корове нужна, правда?

— Нужна,— сказал Саша. И это он видел: соседская корова день-деньской ходила возле забора и щипала траву.

— А ведь трава пожелтеет и засохнет, если не будет дождя, это ты сообразил?

Сашенька опять тихонько хмыкнул. Уж такая у него была привычка: когда он думал, он тихонько хмыкал. И сейчас он подумал-подумал и сообразил: а ведь дождик, который льётся сверху, ведь он тоже вода...

— Вот и выходит — без воды нам пришлось бы туго. Потому вода и работает — всегда и для всех.

— Папа, а ты работаешь? — спросил вдруг Саша.

— Работаю, — ответил папа. — Без работы никому нельзя.

— А я работаю? — спросил Сашенька и даже остановился: неужто только он один на всём свете не работает?

— И ты работаешь, — сказал папа. — Забор мне помогаешь чинить? Печку мы вместе топим?

Когда они подошли к новой колонке, Саша попросил папу:

— Давай проверим, работает вода?

— А мы и так сейчас узнаем,— сказал папа.

Из калитки, которая была рядом с колонкой, вышла незнакомая тётя с двумя ведрами. Вышла и подошла к колонке. Одно из ведер повесила на железный кран и нажала на железную рукоятку. Сразу же с нетерпеливым фырканьем из крана выхлестнула вода и широкой струёй полилась в ведро. В одну минуту ведро наполнилось до краёв.

— Работает,— тихонько прошептал Саша.

— Ещё как! — прибавил папа.

Потом незнакомая тётя сняла полное ведро, повесила второе и опять нажала на железную рукоятку, и снова в одну минуту ведро стало полнѐхоньким. А потом...

Да, а потом папа подошёл к незнакомой тёте и сказал:

— Разрешите, я вам помогу,— взял оба ведра, донёс их до калитки, открыл калитку и поставил ведра с водой на ту дорожку, которая вела к крыльцу.

— Большое спасибо! — сказала незнакомая тётя, а папа и Саша отправились дальше встречать маму.

— Погляди-ка, мальчик, вон туда... Не видна ли впереди жёлтая сумочка?

— Видна, видна! — крикнул Саша и полетел по дорожке, которая, петляя, вела к станции.

А среди кустов, которые росли и тут и там, и правда мелькала мамина сумочка.

— Мама! — крикнул Саша. — Ты сегодня работала?

— Как всегда,— сказала мама. Поставила свою жёлтую сумку на землю и подхватила Сашеньку на руки. — Как всегда, Сашурик. Что это ты про работу?

Папа молча усмехнулся, взял мамину сумку, и они все пошли домой. А мамина сумка тоже стала очень пузатой, будто и она в Москве наглоталась разных разностей.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ
ПРО СОСНУ, У КОТОРОЙ БЫЛА КУДРЯВАЯ МАКУШКА

Сосна эта была самой высокой у них в саду. А может быть, она казалась такой, потому что у неё не было ничего, кроме густой кудрявой макушки. Весь ствол был голым, без единой ветки. Только высоко-высоко, чуть ли не у самых облаков, шевелились её густые зелёные ветви.

Когда же дул очень сильный ветер, сосна раскачивалась во все стороны — туда-сюда, туда-сюда, — и тихонько поскрипывала, и тихонько постанывала, будто ей было не по себе, будто она кому-то жаловалась...

И как-то папа сказал маме:

— Не нравится мне этот скрип...

— Почему? — удивилась мама.

— Позову лесника, пусть посмотрит... Ведь у самого крыльца стоит, дети бегают...

И правда, через несколько дней к ним в сад прикатил на велосипеде незнакомый дядя. Это был лесник. Он походил по саду, постучал молотком по одному дереву, по другому, точь-в-точь как доктор, который смотрит больных, а на сосне с кудрявой макушкой поставил отметину — зарубку топором.

— Дерево в угрожающем состоянии, — сказал он, — при любом сильном ветре может упасть. Нужно его спилить... —

Он что-то написал на бумажке и укатил на своём велосипеде дальше.

Мама совсем расстроилась:

— Не надо пилить, ничего плохого не будет.

— Но ведь лесник сказал... в угрожающем состоянии...— У папы было хмурое лицо. Он подошёл к сосне и сам постучал по стволу ладонью.

— Всё равно не надо,— сказала мама.

Но папа сказал «надо». А когда папа говорит «надо», да ещё с таким лицом, тут уж ничего не поделаешь, не стоит начинать разговоры. Это Саша хорошо знал.

Утром пришёл дядя Егор, их сосед. Папа надел огромные брезентовые рукавицы, снял с гвоздя пилу и велел всем уходить в дом. Или, в крайнем случае, на другой конец сада.

И вот они все — бабушка, мама и Сашенька — собрались на кухне у того окна, которое глядело прямо на сосну с кудрявой макушкой.

А папа и дядя Егор, их сосед, взялись за пилу. Один за одну ручку, другой за другую ручку. И начали: вжик-вжик-вжик-вжик... Пила визжала, а у сосны её кудрявая макушка так и ходила ходуном, так и ходила ходуном.

— Не могу смотреть. Жалко дерево,— сказала бабушка и совсем ушла из кухни.

А мама и Саша всё смотрели и всё слушали, как пила визжала «вжик-вжик» и как у сосны там наверху дрожали все ветки и все иголки.

Потом дядя Егор взял в руки топор и стал подрубить сосну. Потом они с папой привязали к сосне толстую верёвку и принялись тянуть эту верёвку. И сосна, тихонько скрипнув, слегка наклонилась.

— Падает, падает! — закричал Саша.

А сосна, ещё сильнее наклонившись, сперва медленно, а

потом всё быстрее и быстрее стала валиться и вдруг громко рухнула на землю.

— Всё,— почему-то очень грустно прошептала мама и отошла от окошка.

— Теперь можно туда? — спросил Сашенька. Ему-то не терпелось скорее в сад, к папе.

— Иди,— сказала мама. Распахнула дверь на крыльцо, выпустила Сашу, но сама вместе с ним в сад не пошла.

Дядя Егор уже успел уйти от них, и папа стоял возле сосны один. Сосна лежала среди травы длинная-длинная, с коричневым гладким стволом, и ветки на её макушке были смяты, а некоторые совсем сломаны. Лицо у папы было скучное. Он и Саше не улыбнулся, когда Саша подбежал к нему.

— Спилили? — спросил Саша, разглядывая золотистый пенёк и сосновые опилки, которые, разлетевшись, лежали на траве, тоже светлые и золотистые.

— Да,— ответил папа.

А от золотистого гладкого пенёка так хорошо пахло смолой.

— Конечно, не очень хорошая была у неё сердцевина,— тихо сказал папа.— Но вполне могла постоять ещё несколько лет. Кто знает?

Саша взял папину руку. Она была горячей и пахла смолой.

— Тебе жаль сосну? — спросил он.

— Очень,— сказал папа.— Сколько лет росла, пока стала таким высоким и красивым деревом, а свалили мы её за каких-то двадцать минут...

И в саду у них почему-то вдруг стало пусто-пусто.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ
ПРО КУЗЬКУ, КОТОРЫЙ ПРИЕХАЛ НА ПОЕЗДЕ

В тот день у Машеньки в школе был последний экзамен. Приехать она должна была к обеду или немного позже.

Но ждать её стали чуть ли не с самого утра. Не шуточное дело — последний экзамен, а потом каникулы! Да не какой-нибудь, а геометрия. И выговорить такое слово не так-то просто...

Бабушка в большой кастрюле поставила тесто для пирожков. Мама завернула в красивую бумагу подарок. Ну, а мужчины — папа и Саша — отправились в сад за цветами. А в саду в это время цвели пионы. Одни тёмно-красные, другие розовые и душистые. Красивый получился букет, когда мама поставила их в большой пёстрый кувшин.

Но к обеду Маша не приехала. Ждали-ждали, не дождались. Без неё сели обедать! И бабушкины пирожки пришлось есть без Машеньки. Конечно, жаль! Но всё равно пирожки были очень вкусные. Тёпленькие, мягкие и с капустой.

Пока обедали, бабушка то и дело поглядывала на калитку. Вдруг калитка — настёжь, а в калитке Машенька, весёлая-превесёлая. «Вот и я!»

Но и после обеда её не было.

Сашу уложили спать, как было заведено, а когда он проснулся, то сразу понял: Машеньки всё ещё нет. В доме было тихо-тихо, будто все только и делали, что молчали да глядели на калитку.

— А не пойти ли нам, мальчик, прогуляться? — спросил папа, когда Саша оделся. — То да сё, и как раз вернёмся к чаю.

— Давай,— сказал Сашенька и нахлобучил на голову кепочку в голубую клетку.— А к чаю у нас будет пирог с вишнями.

— Знаю,— сказал папа.

И они вышли за калитку.

А за калиткой было очень жарко, не то что в их тенистом саду, где столько сосен, да ёлок, да яблонь, да бузины...

Не успели они дойти до поворота и свернуть за угол на дорогу, которая вела к станции, как Саша крикнул:

— Вон она!

Папа снял очки, протёр у них стёкла носовым платком и снова надел.

— Действительно — она! И какую-то корзинку тащит. Интересно!

Ещё бы не интересно...

А Маша увидела их да как припустит. Ещё издали крикнула:

— Сашка, угадай, чего у меня в корзинке?

И вот она рядом. Щёки разругались. Глаза блестят. Волосы растрепались. А на носу весёлые жёлтенькие веснушки.

— Задача была трудная? — спросил папа.

А Машенька про своё:

— Нет, пусть Сашурик сперва угадает, что у меня в корзинке.

— Секрет? — спросил Сашенька.

Тут Машенька поставила корзинку на землю, Саша заглянул в неё и на всю улицу крикнул:

— Пёсик...

А на дне корзинки и правда лежал пёсик. Весь рыженький. Весь пушистый. А ушки — два мягких лопушка.

И вот они все трое — папа, Машенька и Саша — сидят на

корточках вокруг корзинки, в которой барахтается рыжий щенок.

— Откуда он? — спросил папа.

— Лена дала. У них много — шесть штук. Хороший?

— Очень!

— Уж как я боялась, что он в вагоне заплачет. Ведь голодный.

— Всё-таки как геометрия? — опять спросил папа.

— Ах, папочка! Ведь я сказала — нормально, пятёрка. А ты всё геометрия да геометрия. Ты только погляди, какой бутузик-карапузик!.. Сашка, ты рад?

— Ему нужно скорее молочка, — сказал Саша и взялся за ручку корзины. — Мама и бабушка тоже будут рады...

Папа несёт Машенькин портфель, а Маша и Саша корзинку, на дне которой скулит и плачет голодный пёсик. А у калитки их уже поджидают мама и бабушка. Не вытерпели. Тоже вышли прогуляться.

— Скорей-скорей, ему нужно дать тёплого молока, — сказала мама, когда заглянула в корзинку и увидела щенка. — Он ведь голодный.

— Лучше я сама, — сказала бабушка. — Ведь надо чуть тёплого, чтобы не обжёгся.

Как его назвали? Да очень просто — Кузька.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ
ПРО ПТИЧКУ, КОТОРУЮ ЗВАЛИ ПИК-ВИЛИ-ВИ

Папа сидел на скамейке рядом с крыльцом. Саша примостился на ступеньках крыльца, Кузька дремал на солнышке, изредка открывал то один глаз, то другой. Все на месте? Все, все, можно дальше спать...

Папа читал газету, а у Саши было много разноцветных карандашей — и красных, и жёлтых, и синих, и зелёных. Всяких. И он всё никак не мог придумать: какая же была птичка Пик-вили-ви, про которую ему рассказывала Машенька?

А птичка эта была очень волшебная, сказала ему Маша. Если её хорошо нарисовать, она вдруг зачирикает, запрыгает и даже начнёт из рук клевать крупку.

— А у тебя она чирикала? — спросил её Саша.

— Ни разу, — ответила Маша. — Ни разу я её не нарисовала так, как надо...

— Наверно, она должна быть очень зелёная, — шёпотом сказал себе Саша.

Он взял зелёный карандаш и нарисовал два зелёных крылышка, зелёный хвостик и острый зелёный клюв. Получилась очень хорошая зелёная птичка!

— И деревья в лесу пусть тоже будут зелёными, — прошептал Саша и нарисовал вокруг зелёной птички много зелёных деревьев.

И вдруг...

Что ж это такое? Вдруг зелёная птичка куда-то спряталась. Будто её и вовсе не было. Остались только одни зелёные деревья, а среди них нипочём не найти зелёной птички.

— Может, она была очень красная? — сказал себе Сашенька.

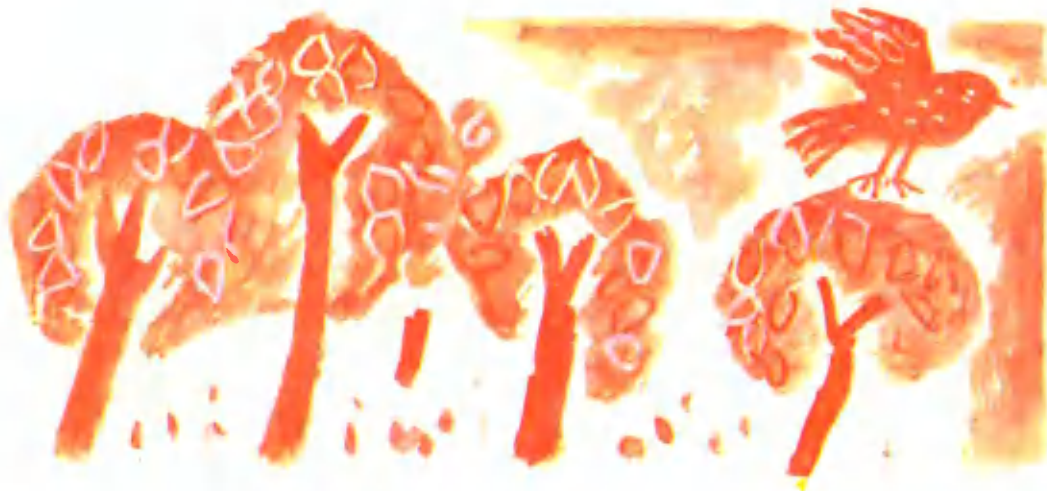
Он взялся за красный карандаш. И опять нарисовал два красных крыла, красный хвостик и красный клюв. Получилась очень красивая красная птичка. Но когда Саша принялся рисовать красным карандашом красный лес, опять... Пропала красная птичка! Потерялась среди красных деревьев. Значит, опять никакая не волшебная и вовсе не Пик-вили-ви...

Он взял синий карандаш и нарисовал птичку очень синюю. И тут папа его спросил:

— Шушарик, ты что шепчешь, что колдуешь?

Иногда папа Сашу называл Шушариком. А почему, Саша не знал. Но если папа так хотел, значит, так надо.

И Саша сказал:

— Я не колдую, я рисую птичку Пик-вили-ви, а она всё прячется.— И он показал папе зелёный лес с зелёной птичкой, и красный лес с красной птичкой, и синюю птичку, которая не летала в синем лесу, потому что пока ещё леса не было...

— Не мудрено, что она прячется,— сказал папа.— Пусть твоя синяя птичка летает в жёлтом лесу, тут уж ей некуда будет деваться.

Сашенька тотчас нарисовал вокруг синей птички жёлтый-

прежёлтый лес и увидел, что его птичка весело летает и прыгает среди жёлтых деревьев. А потом он нарисовал ещё другую синюю птичку, которая села на самое большое жёлтое дерево. А ещё одна села на жёлтую ветку жёлтого дерева. И стало много-много синих птиц в его жёлтом осеннем лесу.

— Вот их сколько! — сказал Саша.— Посмотри...

Папа отложил в сторону газету и вдруг спросил:

— А хочешь, я покажу тебе настоящую птичку...

— Пик-вили-ви? — воскликнул Саша.

— Может быть, и Пик-вили-ви,— сказал папа.— Кстати, откуда ты знаешь про такую птичку?

— Мне Машенька рассказала.

— Так я и думал. Когда она была совсем маленькой, она всё время рисовала эту птичку. Ну, пойдём, я покажу тебе...

— Пик-вили-ви,— подсказал Саша.

И они пошли с папой в тот угол сада, где росла малина вперемешку с крапивой. Но сейчас Саше было не до малины и не до крапивы. Сейчас они с папой пробирались в самую чащу малиновых кустов, и Саша не обращал внимания ни на ягоды, которые и тут и там висели среди листьев, ни на крапиву, которая то и дело больно покусывала голые коленки.

Среди самой густой чащи малиновых кустов папа остановился. Прижал палец к губам и сделал глазами: молчок, ни слова. Саша кивнул, хотя ему не терпелось поскорей увидеть птичку Пик-вили-ви.

Тогда папа показал глазами на самый густой малиновый куст, и Сашенька, приглядевшись, увидел крохотное гнездо, которое прицепилось между ветками. Оно было аккуратно свито из разных сухих травинок.

Саша рванулся было подойти поближе к этому аккуратному гнёздышку из сухих травинок, но папа положил ему на плечо руку. И Саша понял: стоп! Туда нельзя!

И он стал смотреть во все глаза. А рот прикрыл ладошкой, чтобы не говорить, хотя ему очень хотелось спросить папу про гнёздышко.

И вдруг что-то зашуршало над его головой. Ш-ш-шр... И он увидел птичку, которая, вылетев из-за его спины, опустилась на ветку возле гнезда. Она, эта птичка, была очень маленькая. С голубой грудкой. В чёрном картузике. И с белыми щёчками. А глазки у неё были — две чёрные блестящие бу-синки.

И снова — ш-ш-шр... И вторая, точь-в-точь такая же, вылетела из-за его спины и тоже опустилась на ветку рядом с гнездом.

И обе они стали громко и сердито перечирикиваться, вертеть головками, будто переговаривались между собой.

«Пик-пик-пик,— чирикала одна.— А они зачем тут?»

«Вили-вили-вили-ви,— отвечала ей другая.— Не знаю!»

Это они про папу и Сашу.

«Пик-пик-пик,— чирикала первая.— Скоро они уйдут?»

«Вили-вили-ви,— отвечала ей другая.— Не знаю, не знаю, не знаю».

Это они опять про Сашу и папу.

И обе всё время крутили, вертели головками и тревожно чирикали:

«Пик-вили-ви! Пик-вили-ви...»

Папа легонько потянул Сашу за рукав, и Саша понял — хочешь не хочешь, а надо уходить.

— Синички-лазоревки,— сказал папа, когда они выбрались из малиновых кустов.— Понравились?

— Но всё-таки они и Пик-вили-ви? — спросил Саша.— Всё-таки Пик-вили-ви?

— Конечно. Только один без меня сюда не ходи. У них в гнезде птенцы.

— Знаю,— сказал Саша.— Без тебя не пойду.

Уж это он точно знал: без папы никаких птичек и никакого гнёздышка тут не будет... Ничего он не увидит, если рядом не будет папы...

Когда они вернулись обратно, Кузька уже проснулся и весело грыз Сашины цветные карандаши.

— Вот глупыш,— рассердился Сашенька,— ничего не понимает!.. Разве так можно? Вот тебе мяч... с ним играй.— И он поскорее отнял у пёсика цветные карандаши.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ
ПРО ТРАКТОР, КОТОРЫЙ НЕ СПАЛ ВСЮ НОЧЬ

Спору нет, машины, которые ездили по улицам Москвы, были очень интересными. Тут тебе и грузовики, и всякие легковые машины, и такие, в которых возят молоко или бензин. И ещё с огромными высоченными кранами. Да разве пересчитаешь какие они бывают, машины, которые видишь в Москве?

Но все они нравились Саше раньше, пока они не приехали сюда. А когда они приехали сюда и он впервые на поле увидел трактор, у него прямо дух захватило!

Вот это да! Хотя тоже четыре колеса, но какие! Два из них огромные, надо задрать голову, чтобы разглядеть эти колёса с самого низа до самого верха. И главное — трактор всё умел делать. И пахать то поле, которое лежало за их забором. И сеять на этом поле зёрна, из которых потом выросли хлебные колосья. И срезать эти высокие золотые колосья, когда зёрнышки в них созрели.

Конечно, всё это трактор делал не сам, он возил за собой разные сельскохозяйственные машины (так Саше объяснил папа). Но все машины слушались трактора и никогда с ним не спорили. И делали свою работу хорошо.

А в стеклянной будочке сидел дядя, который управлял трактором. И звали этого дядю — тракторист.

Один раз — это было ранней весной — папа и Саша вышли из калитки и увидели: на краю поля, как раз напротив их забора, стоит трактор, а возле трактора — тракторист.

— Добрый день,— сказал тракторист папе.

— Здравствуйте,— сказал папа трактористу.

— Нет ли у вас спичек? — спросил у папы тракторист.— Свои где-то обронил, а курить до того охота...

Папа зачем-то похлопал себя по карманам брюк.

— Знаете,— сказал он,— к сожалению, я не курю...

И Саша понял, что папе очень жаль, что в карманах у него не оказалось ни одной спички.

— А у бабушки много,— сказал он вдруг.— У бабушки этих самых спичек, может, целая тысяча...

Папа обрадовался:

— Слетай-ка, мальчик, к бабушке, принеси коробок...

— Целый? — переспросил Саша.

— Скажи, спички нужны дяде трактористу.

В одну минуту Сашенька был уже тут, а в руках коробка со спичками.

— Вот,— сказал он.— Только неполный. Это ничего?

— Сойдёт,— сказал дядя тракторист.— Вот спасибо так спасибо!

Он вынул из огромного кармана своего комбинезона пачку папирос, протянул папе и тут же сам закурил.

— Большое спасибо,— сказал папа.— Но я ведь не курю...

И тогда случилось такое, чему и поверить трудно! Дядя тракторист положил Саше на плечо руку и спросил:

— Прокатимся на тракторе, сынок, а?

Саша обомлел. Когда рядом папа, чудесам нет конца!

А дядя тракторист, спросив у папы — можно ли? — подхватил Сашеньку двумя руками, посадил в тракторную будочку, сел рядом и взялся за руль.

И трактор затарахтел, затараторил во весь голос, и они покатили. А голос у трактора был весёлый, басовитый и очень работающий. Он без усталости приговаривал:

Тар-тара-ра,
Тар-тара-ра,
За работу, за работу, за работу
Нам пора...

А когда они вернулись обратно к папе, который ждал их на краю поля, дядя тракторист спросил Сашу:

— За баранку подержаться хочешь?

— Чего? — не понял Сашенька.

— Ну, за руль? — снова спросил дядя тракторист.

— Хочу, — шёпотом ответил Саша.

И дядя тракторист позволил Саше положить руки на тракторный руль рядом со своими большими руками.

— Мой чуть постарше твоего, — сказал он и поставил Сашу рядом с папой. Сам же вместе с трактором отправился работать на дальний конец поля.

Руки у Сашеньки долго-долго пахли трактором. Он ни за что не хотел их мыть перед обедом. Но бабушка велела. Разве бабушке понять, как это замечательно, когда руки пахнут трактором?

До самой осени они с папой не видели знакомого дядю тракториста. Совсем какие-то другие работали на тракторе.

Да и трактор был не тот, на котором посчастливилось побывать Саше.

И вдруг однажды, когда лето почти кончилось, они снова встретились. Саша его сразу узнал. И папа его сразу узнал. И дядя тракторист тоже узнал папу и Сашу.

— Здравствуйте,— сказал он папе и Саше, высунувшись к ним из своей стеклянной будочки.

— Доброго здоровья! — сказал папа.

— Сейчас принесу вам спички! — воскликнул Сашенька и кинулся было к бабушке за спичками.

Но знакомый дядя тракторист остановил его:

— Спасибо, сыночек! Сегодня я со спичками. Запасся на всю ночь. Придётся работать до утра...

— А спать? — спросил Сашенька.

— Ну, уж как-нибудь потом...

Дядя тракторист помахал им рукой, и они с трактором за-
тарахтели на всё поле. А за ними следом вздымались высокие
пласты влажной чёрной земли.

У трактора на уме, видно, было только одно — работать
да работать. И он весело распевал:

Тар-тара-ра,
Тар-тара-ра,
Буду, буду, буду, буду
Я работать до утра...

И вот ночью Сашенька вдруг проснулся. Проснулся, пото-
му что услышал голос знакомого трактора. Голос раздавался
то ближе, то дальше, то громче, то тише. И всё об одном:

Буду, буду, буду, буду
Я работать до утра...
Тар-тара-ра...
Тар-тара-ра...

Саша слушал, слушал, а потом не вытерпел.

— Папа... — тихонько позвал он папу.

Хорошо, что папа спал в той же комнате и сразу услышал.

— Ты что, Шушарик? Почему не спишь?

А голос у папы был тихий и сонный.

— Значит, он всё-таки не лёг спать?

— Ты о ком? — не понял папа.

— Трактор... Я хочу на него посмотреть, — сказал Саша.

— Ночь же... Мы всех разбудим. Нельзя.

— Папа...— снова сказал Саша таким жалобным голосом, вот-вот заплачет.

Добрый у Саши папа, лучше его нет на всём свете. Он подошёл к Сашиной кровати, завернул Сашу в тёплое одеяло, взял на руки, и они вдвоём вышли в сад.

Было темно-темно. Темно и холодно. Ничего не видно. Ни сосен, ни ёлок. Только высоко на небе мигали звёзды. А две, самые огромные и яркие, светили на землю, на то колхозное поле, которое было за их забором. И эти две, огромные, круглые, золотые, звезды катились прямо к ним, прямо на них...

— Не простудить бы тебя, Сашурик,— сказал папа и плотнее закутал Сашу в его тёплое одеяльце.

Они подошли к калитке. И Саша понял, что это вовсе не звёзды катятся к ним, а круглые тракторные фары. И фары эти показывают трактору, куда ехать.

— А ему совсем спать не хочется? — спросил Саша и сладко зевнул.

— Может, и хочется, но какой тут сон, когда надо работать.

А трактору и правда было не до сна. Он весело и бодро та-рахтел:

Тар-тара-ра,
Тар-тара-ра,
Буду, буду, буду, буду
Я работать до утра...

У папы на руках, привалившись к папиному плечу, Сашенька и уснул. Совсем не заметил, как папа отнёс его обратно в кровать, уложил и со всех сторон подоткнул одеялом.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ
ПРО ДОЖДИК, КОТОРЫЙ ПЛЯСАЛ НА КРЫШЕ

А потом наступила осень. И всё вокруг переменялось.

На том поле, где работал трактор, расхаживали чёрные птицы — грачи и вытаскивали из чёрной влажной земли длинных червяков.

И у них в саду тоже всё переменялось. Больше не было сладких вишен. Кусты малины стояли пустые, без ягод. Иногда папа и Саша ходили смотреть на гнёздышко. Оно так и висело на прежнем месте среди пожухлых листьев малины. А птички куда-то улетели. В тёплые края, сказал папа.

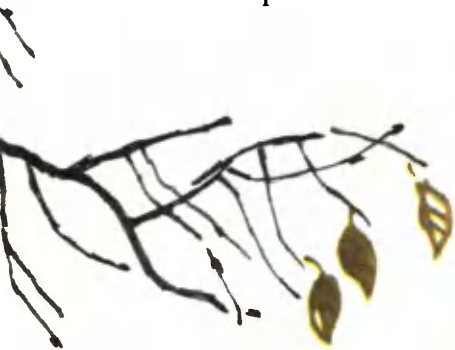
Только рябина день ото дня становилась всё краснее и ярче. Может, ягоды у неё были очень вкусные, да разве дотянешься до них, когда они висят чуть ли не у самого неба?

И вдруг заладили дожди. Один дождик как начался с вечера, так и тренькал всю ночь по стёклам. И утром не хотел переставать. Хорошо, хоть мама и Машенька уехали накануне, а папе пришлось ехать на работу под дождём. И бабушка с Сашей стали ждать вечера, когда он вернётся обратно.

И Сашеньке было очень скучно. Так скучно, что даже не хотелось играть с Кузькой. А Кузьке что? Кузька веселился напропалую — по всему дому таскал новые мамины тапочки. Если бы бабушка видела!..

И вдруг — какое счастье! — папа приехал не вечером, а перед обедом.

В это время Саша стоял у окошка и смотрел на дождь.

На берёзке перед окном листья были до того мокрые, хоть выжми. И с той ёлки, которая тоже росла перед окном, дождевые капли свисали с каждой иголки. И вся трава была полным-полна дождём. А белая ромашка то и дело вздрагивала. Наверно, зябко ей было в такую дождливую погоду.

А что дальше за окном, уже нельзя было разглядеть. Дальше был один сплошной дождь.

И вдруг из этого дождя, прямо из самого-самого дождя, вышел папа. Подошёл к окошку, за которым стоял Саша, мокрым пальцем постучал по мокрому стеклу и засмеялся.

— Здравствуй, мальчик,— сказал он.— Это я!

Он тоже был весь в дожде. Даже очки были в дожде. Только смеялся он без дождя.

— Папа приехал! — закричал Саша.— Ура! Папа приехал...

— Не может быть! — сказала бабушка.— Ну, не может быть...

— Да вот же он! — кричал и смеялся Саша.— Вот он...

А папа уже входил в дом.

— Чур-чур-чур, не приближаться,— остановил он Сашу.— Сейчас встряхну плащ, увидите, как хлынет ливень!

Ну и пусть ливень! Не всё ли равно, что ливень, раз папа здесь, с ними, рядом...

— Зачем же в такой дождь? — сказала бабушка и покачала головой.— Ведь насквозь промок...

— Ничего...— Папа встряхнул плащ, а из него и правда хлынул настоящий ливень, даже немного на Сашу накапало.— Я же знаю, что вы тут скучаете, а у меня выпало времечко... Вот и приехал.

— Но всё-таки...— сказала бабушка и пошла собирать им всем обед.

А папа принялся переодеваться во всё Сашино самое

любимое — в старые брюки, в старую куртку и в старые кеды.

Потом бабушка накормила папу обедом. И Саша за компанию с аппетитом пообедал. И Кузька получил полную миску супчика. А потом...

Да, а потом и началось самое замечательное!

— Скучно, когда дождь? — спросил папа.

— Скучно,— признался Саша.— Он никогда не перестанет?

— Почему же? Обязательно перестанет. А пока мы с тобой полезем наверх. Послушаем, как он там на крыше пляшет. А вдруг через какую-нибудь щёлку к нам в дом забрался...

Со ступеньки на ступеньку, со ступеньки на ступеньку, правой ногой, левой ногой, правой-левой, правой-левой, и вот они наверху. Дальше лезть некуда, дальше — крыша.

А наверху самое лучшее место у них в доме. Наверху два оконца. Одно смотрит на сосны в саду, другое — на мокрое поле, которое за дождём еле-еле видно.

И чего-чего только нет наверху! И брёвна. И доски. И разные чурочки, большие и маленькие. А сколько всевозможных палок! И полный ящик гвоздей. «Все может понадобиться,— говорит папа.— В хозяйстве всё пригодится!»

А дождик на крыше так и отплясывал, так и пританцовывал:

Топ-топ-топ,
А я иду!
Топ-топ-топ,
А я пляшу!
Топ-топ-топ,
Вот я какой,
Я весёлый дождь,
Большой!

Наверно, он тоже радовался, что у папы сегодня выпало свободное времечко и он пораньше прикатил к ним сюда.

Потом папа и Саша во все глаза стали смотреть, нет ли какой щёлки на крыше, не забрался ли дождик к ним в дом.

— Кажется, всё в порядке,— сказал папа и подошёл к тому окну, за которым чуть виднелось мокрое поле. Распахнул обе створки и высунул голову.

— Промокнешь, промокнешь! — закричал Саша. — И простудишься... — прибавил он бабушкиным голосом.

— Ну, если я не простудился, пока шёл со станции, значит, и сейчас ничего, — ответил папа, а сам что-то высматривал, выглядывал там, снаружи. — Знаешь, мальчик, светлеет. Пожалуй, дождь скоро перестанет. Не спеть ли нам песенку, чтобы скорее переставал?

— Давай, — сказал Саша.

Они сели рядышком на бревно, и папа было затянул:

Дождик, дождик, перестань...

Но Саша молчал. Не пел.

— Ты что? — спросил папа. — Забыл, как мы умеем про дождик петь?

— Папа, — спросил он вдруг, — ты всё-таки немножко волшебник?

Папа так удивился, что даже очки снял:

— Что это тебе такое в голову пришло, мальчик?

Папа вытащил из кармана носовой платок. Стал протирать очки. Долго протирал.

— Гм... — сказал он, помолчав. — Может быть, самую малость, если тебе хочется...

— Вот такую малость? — Саша показал свой мизинец.

— Ну, это слишком. Гораздо меньше.

— Вот такую? — Саша показал розовый ноготок на мизинце.

— Пожалуй, ещё меньше.

— Значит, вот такую маленькую малость ты всё-таки волшебник? — сказал Саша и протянул папе совсем крохотный обломок от щепки.

— Ну такую малость ещё возможно, — сказал папа, улыбаясь.

А дождик и правда стал переставать. Уже не плясал на крыше, а лишь тихохонько постукивал. Вот так:

Тук-тук-ту,
Перестаю.
Тук-тук-ту.
Уж не иду.
Тук-ту...

И совсем перестал.

ИСТОРИЯ ОДИННАДЦАТАЯ
О ТОМ, КАК ОНИ ПРОЩАЛИСЬ С ЛЕТОМ

И вот однажды мама сказала:

— А ведь пора отсюда уезжать...

— Пора,— сказал папа.

— Пора,— сказала и бабушка.

А Машенька, которая приехала к ним на воскресенье, воскликнула:

— Да-авно пора! Дождь, холод... Фу! Я когда ещё говорила, что пора...

С этого дня они и стали укладываться. Укладывались, укладывались, пока как-то утром папа не сказал:

— Схожу-ка я на станцию, может, схвачу такси?!

Папа ушёл, а потом приехал на такси и подъехал прямо к их калитке. Тогда они все — и папа с шофёром, и Саша, и Машенька — стали носить вещи и укладывать в машину.

Зато Кузька никаких вещей не носил. Только бегал за ними от крыльца к калитке, от калитки к крыльцу. И всё время лаял. Может, боялся, что его не посадят в такси?

— Не бойся,— сказал Саша, присаживаясь перед ним на корточки.— Поедешь у меня на руках. Будем смотреть в окошко...

«Гав-гав...» — ответил Кузька и лизнул Сашин нос. Значит, понял, что бояться ему нечего, посадят его в такси.

Когда все вещи были уложены и настало время ехать, бабушка сказала:

— А теперь давайте перед дорогой на минутку присядем.

И они все сели кто куда. И как раз в это время Саша её увидел.

— Белка, белка, наша белка!..— закричал он и выскочил в сад.

На рябине возле забора с ветки на ветку прыгала белка. Прыгала и поглядывала на всех. Поглядывала и будто говорила: «Вот и я! Пришла мириться, пришла проститься...»

— Никто не верил, что она вернётся,— сказал папа.— А она тут как тут.

Он тоже вышел в сад и подошёл к рябине.

— А я верил, а я верил! — крикнул Саша.

И вот сегодня, в день их отъезда, белка вернулась. Она сидела на рябине, красной от ягод, и двумя передними лапками отщипывала от тяжёлых кистей рябинку за рябинкой. И каждую запихивала себе в рот.

А потом вдруг — нарочно или нечаянно — у неё отщипнулась большая кисть рябины и упала возле Саши и папы, прямо у их ног.

— Видишь, как славно мы помирились,— сказал папа. Поднял с земли рябину и протянул Саше.— Теперь можно ехать...

И они все сели в машину. Все, кроме папы.

Папа сказал, что он ещё немного побудет здесь. Он сказал, что ему ещё кое-что осталось сделать, прежде чем на зиму закрыть на окнах ставни и запереть двери. Он сказал, что догонит их на поезде.

Но скорее всего, думал Сашенька, папе просто хотелось ещё немного походить по саду, ещё получше помириться с белкой, раз она перед самым отъездом вернулась обратно к ним в сад. И было Саше очень обидно, что нельзя остаться с папой, походить с ним рядом и послушать, как хорошо шумят на прощание зелёные сосны и ели...

СОДЕРЖАНИЕ

История первая	
про огонь, который ворчал и сердился в печке	3
История вторая	
про белку, которая обиделась на папу	7
История третья	
про мухомор, который стал великаном	12
История четвёртая	
про вишни, которые пели песенки	18
История пятая	
про воду, которая всегда работает	23
История шестая	
про сосну, у которой была кудрявая макушка	30
История седьмая	
про Кузьку, который приехал на поезде	34
История восьмая	
про птичку, которую звали Пик-вили-ви.	39
История девятая	
про трактор, который не спал всю ночь	45
История десятая	
про дождик, который плясал на крыше	54
История одиннадцатая	
о том, как они прощались с летом	61

Цена 31 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Софья Абрамовна Могилевская

МОЯ ПАПА — ВОЛШЕБНИК

Ответственный редактор *Л. Я. Либет*
Художественный редактор *С. И. Нижняя*
Технический редактор *И. Я. Колодная*
Корректор *К. И. Каревская*

Сдано в набор 1/VII 1975 г. Подписано к печати 3/XI 1975 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 3,99. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1170. Цена 31 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

М 70801—636
М101(03)75 61—75